

«МАЛЕНЬКИЕ ВЗРОСЛЫЕ»: ИЗУЧЕНИЕ ФОТООБРАЗОВ ДЕТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Статья посвящена рассмотрению детей представителей элиты в качестве своеобразного зеркала, отражающего социально-групповые характеристики их родителей. Поднимается и дискутируется вопрос о возможностях делать исследовательские предположения о детях и родителях как представителях социальной группы на основе определения концепции воспитания, реализуемой родителями применительно к своим детям. Идентификация идей концепции воспитания проводится автором на основе обращения к визуальным источникам социологической информации. Таковым в рамках статьи выступает кейс — серия фотографии детей представителей современной российской элиты, выполненная одним фотографом. Для социологической расшифровки содержания фотографий, в частности интерпретации элементов телесности детей элиты, предлагается использовать совокупность методов. Это, во-первых, элементы иконографического анализа, с помощью которого выявляются имеющиеся в культуре актуальные способы визуальной репрезентации детских эмоций, во-вторых, методика анализа фотографий на основе обращения к семиотическому подходу, совмещенному с некоторыми принципами дискурс-анализа текстов в рамках направления локального анализа дискурса. Таким образом, статья предлагает один из возможных подходов к анализу элиты как социальной группы, а также методике социологической интерпретации содержания фотографий на примере кейса детей представителей элиты. На основе анализа автор приходит к выводу о том, что кажущаяся на первый взгляд странной мимика детей на фотографиях, однозначно интерпретируемая фотографом в названии этой серии фотографий («Маленькие взрослые»), отнюдь не является проявлением взрослости, но маркирует особенности формирования внутригрупповой идентичности представителей элиты. Определенная мимика детей, как и детская одежда, выступает результатом нереплексивного (возможно, лишь частично осознаваемого) конструирования их родителями в стремлении к дистанцированию своей социальной группы и акцентированию элитарности, что, как кажется автору, дает определенные основания говорить о сформировавшемся институте элиты в современной России.

Ключевые слова: визуальный анализ, фотография, элита, детство.

Орех Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ek.orech@mail.ru).

Orekh Ekaterina — Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (ek.orech@mail.ru).

Несколько лет назад, в 2009–2010 гг., молодой немецкий фотограф, дочь эмигрантов из России Анна Складманн сделала серию фотографий, которую позже частично выложила в интернет под названием «Маленькие взрослые»*, дав небольшие комментарии к снимкам в серии интервью иностранным и отечественным изданиям**. Эта серия интересна в нескольких отношениях. Складманн удалось получить доступ и сфотографировать детей представителей российской элиты, что само по себе настоящая проблема для журналиста или исследователя, желавшего сделать такие снимки. При этом она фотографировала детей в привычной и комфортной для них обстановке, согласовывая с участниками съемки их фотографические роли и внешний вид. В результате получилась серия постановочных фотографий в жанре «детский парадный портрет начала XXI века», над которой в равной степени трудились как сама фотограф, так и снимавшиеся дети.

В чем ценность этих снимков для исследователя? Фотография — интересный социологический документ, а для изучающих элиту — нетривиальный источник информации. Анализ того, что представляют собой фотографии детей современной российской элиты, актуален как в контексте проблематики элитных семей, так и в связи с вопросами межпоколенного воспроизводства властных групп, дает исследователю возможность делать выводы как о детях элиты, так и об их родителях.

Фотографию необходимо рассматривать как результат конструирования определенного образа, это прежде всего конструкт, но конструкт многослойный. Разделяя идеи Р. Барта о том, что в создании снимка участвуют по меньшей мере и фотограф, и модель (Барт 1997: 26), что фотография как специфическое зеркало отражает представления о действительности как фотографирующего, так и, даже в большей степени, фотографируемого, мы можем сконцентрироваться на считывании интенций фотографа и модели по созданию определенного образа. Реконструкция смысла образа даст основания характеризовать создателей презентации. Применительно к детям элиты это небезынтересно в контексте проблематики социального воспроизводства. Исследования показывают, что шансы таких детей занять ключевые позиции в важнейших общественных институтах многократно выше по сравнению с детьми из простых семей (Бурдые, Пассрон 2007; Hartmann, Корр 2001; Schnapp 1997). Это объясняется качеством наследуемого родительского «капитала», включающего не только деньги, социальные связи, административные возможности, но и установки системы диспозиций, практики поведения, усваиваемые детьми в процессе первичной социализации (Бурдые 2007: 101–104, Моска 1994). Даже если не предполагать, что дети элиты займут высшие позиции в руководстве страны, то есть все основания ожидать, что они останутся в элитном или околоэлитном слое, и в этой связи могут быть интересны исследователю как потенциальный правящий класс недалекого будущего России.

* См. сайт Анны Складманн. URL: <http://www.annaskladmann.com/>, серия фотографий «Little Adults». Доступно 30.07.2015 г.

** См., например, интервью журналу «Spiegel» (Bidder 2011), а также интервью журналу «Город. Афиша» (Дементьева 2012).

Однако фотография фиксирует больше, чем хотелось бы ее создателям, и подвластно их корректировке. Так, устойчивы к попыткам изменения неререфлексивные привычки, проявляющиеся в человеческой телесности, но тем не менее даже этот слой фотографической информации тоже может быть проанализирован как конструкт. Согласно концепции П. Бурдьё о фотографии, мы можем рассмотреть и интенции по представлению себя, и неререфлексивные практики как следствие занимаемого места в пространстве социальных позиций (Бурдьё, Болтански, Кастель, Шамборедон 2014), проинтерпретировать репрезентацию на фотографии как следствие работы габитуса. Поэтому возникают основания анализировать фотографии детей элиты с точки зрения определения представлений их родителей о воспитании и — глубже — о жизни в целом постольку, поскольку манера детей себя вести, представлять окружающим свое тело, одеваться и другие подобные практики не что иное, как результат социализации, усвоения родительской системы диспозиций.

В определенной степени анализ фотографически запечатленной детской телесности позволяет вычислить представления взрослых относительно того, что является правильным для ребенка, реконструировать идеи, лежащие в основе используемой концепции воспитания. Определение результатов воспитания и — шире — социализации ребенка через анализ его телесных практик не новаторская (Калверт 2008; 2009; Гавришина 2011), но и не тривиальная социологическая задача. Проблематика человеческой телесности вышла на авансцену научного анализа социологов сравнительно недавно: особое значение она приобретает в контексте так называемого аффективного или эмоционального поворота (Turner, Stets 2005; Симонова 2012), когда тело начинает рассматриваться как феномен, имеющий самостоятельное значение, а не просто посредник, благодаря анализу которого мы вскрываем нечто, стоящее «за» телом, лишь реализовавшееся в формировании телесности. Но анализ социальных практик формирования тела стал возможен ранее, чему способствовал интерес социальных исследователей к изучению мира повседневности (Шюц 2004). Один из вариантов рассмотрения мира повседневности предполагает фокусировку внимания на неререфлексируемых повторяемых типичных практиках (Волков 1997), что позволяет включить в качестве объекта изучения человеческое тело как носителя этих практик и расшифровывать проявления телесности с точки зрения «базисного знания», которое человек приобретает в процессе социализации и исходя из которого он строит свою активность в мире. Через фиксацию характеристик телесности может изучаться деятельность по ее конструированию, а также выдвигаться предположения об ее предпосылках.

Существенным источником для изучения телесности является анализ визуальных материалов, в частности фотографий, хотя и не только их. В фокусе социологического анализа изображений находится человеческое тело, ведь на фотографии мы видим в первую очередь именно его. В зависимости от поставленных исследовательских задач социологический анализ запечатленной на изображениях телесности может проводиться по разным направлениям. Например, можно пытаться дешифровать образ с точки зрения смысла, заложенного в *презентации* (именно такого, а не иного) тела, его отдельных характеристик. Этот вариант анализа нацелен на выявление идеологических оснований

конструирования социальной действительности. Анализу подвергается репертуар техник и приемов, используемых фотографом, стремящимся донести до нас определенную идею, в том числе посредством акцентирования или сокрытия определенных характеристик тела. Так, наличие физических недостатков снимающегося, таких как слепота или отсутствие руки, в ряде случаев (если этого требует идея, задумка снимка) может маскироваться фотографом с помощью точки съемки. Возможно, хотя и сложнее, попытаться определить интенции модели при позировании фотографу. Это поддается анализу в ситуации «неудачных», диссонансных снимков, которые высвечивают конфликт между стремлением фотографа преподнести модель определенным образом и представлениями модели о том, как надлежит выглядеть на фотографии. Сконструированные черты человеческого типажа могут транслироваться из фотографии в фотографию, создавая устойчивые представления о качествах, якобы присущих людям некой социальной группы, определенной эпохи и т.п. (Орлова 2009).

Несколько иного плана анализ подразумевает стремление зафиксировать *устойчивые* к попыткам «раскачивания» *основы телесного опыта людей*. Телесный опыт зависит от конкретного социально-исторического контекста, в рамках которого он формируется, т.е. в определенной мере может быть предопределен идеологически. Не стоит воспринимать эту логику чересчур прямолинейно, важно понимать, что сам конструкт тела выкристаллизовывается лишь по истечении времени, что его производство — достаточно кропотливый процесс, в ходе которого некие детали и черты не приживаются, отпадают, некоторые — приобретают иное звучание по сравнению с первоначальной задумкой. Будучи усвоенными, практики телесности остаются чрезвычайно устойчивыми к попыткам их изменения. Дешифровка смыслового содержания границ существования телесности определенной эпохи, устойчивых форм реализации тела в пространстве (допустимых поз, мимики, движений) позволяет делать выводы о культурных нормативах, воплотившихся в подобных телах (Гавришина 2011).

Именно в контексте второго направления анализа детская фотография — один из наиболее удачных объектов исследования, прежде всего потому что маленький ребенок является в некотором смысле «пластилином», из которого его близкое окружение и первичные социализирующие институты имеют возможность «лепить» то, что им кажется правильным. Поэтому на такой фотографии вероятность обнаружить в чистом виде нормативные шаблоны телесности, проявить социальные практики ее формирования будет наиболее высока.

Телесность, запечатленная фотографией, может быть оценена социологически с точки зрения того, что стоит за такой *презентацией* позы, мимики, жестикюляции: какие культурные смыслы этому приписываются, какие установки поведения имеют место. Тот или иной вариант изображения имплицитно содержит представления взрослых о присущих ребенку в рамках его социального класса качествах и чертах, о нормальном (аномальном) образе жизни ребенка, может связываться с социальным статусом близких ребенку людей или указывать на «темы умолчания» в контексте конкретного социального класса. Представления фотографа о нормах презентации детского тела, как и представления,

усвоенные самим ребенком, редко будут диссонировать, поскольку профессиональная специализация фотографов предполагает наличие у них характеристик габитуса, схожих с диспозициями его моделей.

Что именно может быть подвергнуто анализу в фотографии с точки зрения проявления устойчивых телесных практик? В некоторой степени важно уделить внимание описанию и интерпретации ситуации съемки, которая сама по себе предполагает вариант презентации тела, закладывая перспективу восприятия ситуации снимающимся человеком. Определенную роль в этом смысле могут играть и реквизит съемки, одежда и предметы, съемке сопутствующие. Но главное значение для понимания социальных нормативов эпохи имеет анализ статично-динамических характеристик тела: это репертуар действий ребенка, которые фиксируются фотографией, варианты поз, допустимая мимика, жесты.

Не претендуя на полноту аналитического описания, на примере одного кейса — серии из 30 фотографий под названием «Маленькие взрослые» (рис. 1), попытаемся дать предварительную оценку и интерпретировать некоторые бросающиеся в глаза черты телесности, присущей детям современной российской элиты. По понятным причинам кейс-стади не дает нам оснований распространять полученные выводы на всю совокупность, а позволяет лишь принять их во внимание при дальнейшем анализе.

Рис. 1. Принт-скрин с фотографией «Никита и Алина в итальянском посольстве. Москва 2009»*

В случае стоящей перед нами задачи визуальный анализ фотографии не будет концентрироваться на выявлении интенций и точки зрения автора-фотографа, оценки, даваемой ею положению детей элиты, хотя эта оценка достаточно прозрачна, тем более что вербально закреплена автором в названии серии

* См. сайт Анны Складманн. URL: <http://www.annaskladmann.com/>, серия «Little Adults». Доступно 30.07.2015 г.

фотографий и в нескольких интервью по поводу этих снимков. Именно поэтому анализ работы фотографа, используемые ею для придания смысла приемы и техника фотографирования останутся вне нашего рассмотрения. Попытаемся выделить на фотографии то, что фотографу неподвластно: тот сухой остаток, реализуемый в практиках и техниках тела (пределы допустимости жестикуляции, мимики, поз), который присутствует вне зависимости от режиссуры снимков. Также обратим внимание на смысловую составляющую образа, созданную благодаря стараниям ребенка (безусловно, подразумевая, что в этом тоже очевидны перенятые установки взрослых) и реализующуюся прежде всего в одежде и в некоторых случаях в антураже места съемки, если место выбиралось ребенком. В результате можно будет сделать некоторые выводы о нормативах формирования детской телесности, поскольку априори мы исходим из предположения о том, что дети презентуют себя согласно усвоенным от родителей и близкого окружения установкам, а фотография эти установки транслирует.

Существуют практики, влияющие на формирование телесности. Это фоновые повседневные практики, выполняя которые, мы часто не задумываемся о скрываемом за ними смысле, о том, на что эти практики направлены. Такими практиками являются способы пеленания детей, научение сидеть, стоять и ходить определенным образом, реализуемое в том числе посредством использования соответствующей одежды и мебели (например, ходить с прямой спиной и высоко поднятой головой, или на каблуках, или пр.) (Калверт 2008; 2009), гимнастика и другие мероприятия, связанные с физическим воспитанием ребенка, приучение ребенка дома носить обувь, многие другие.

Гипотезу нашего анализа сформулируем следующим образом: в фотографиях детей современной российской элиты будут очевидны результаты формирования несоветской (существенно отличающейся от советской) телесности. Обозначим некоторые черты, характеризующие советскую детскую телесность. Советское тело — это дисциплинированное тело (Гавришина 2011). Практиками формирования советской телесности являются тугое пеленание младенцев, ограничения активного передвижения для маленьких детей, ориентиры в физическом воспитании на фигуру атлетического сложения, формирование подтянутого и прямого корпуса. По результатам контент-анализа 137 фотографий советских детей, представленных на советских открытках 1960–1980 гг.* , мы можем говорить о том, что тело советского ребенка — скромное и в значительной степени «зажатое», ограниченное в репертуаре своих движений (например, конкретной постановкой ног при стоянии-сидении), с фиксированными допустимыми положениями туловища, позами. Безусловно, не стоит представлять себе советского ребенка как маленького робота с присущей механическому созданию лимитированностью жестикуляции и возможностей перемещений. Речь идет об отсутствии импровизации в вариантах распоряжения и презентации своего тела, о наличии небольшого арсенала воспроизводимых поз, жестов.

* Генеральной совокупностью стали открытки соответствующего периода времени (всего 342 шт.), хранящиеся в отделе эстампов Российской национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, выборка составила те открытки, которые представляли собой не рисованные изображения детей, а их фотографии.

По просмотру серии фотографий Складманн первое наблюдение заключается в том, что репертуар поз, в которых засняты дети, разнообразнее репертуара поз, характерного для детских фотографий советского времени, однако следует сделать некую оговорку. Парадоксальным образом на фотографиях мальчиков воспроизводится телесность типичного советского ребенка — напряженное тело, прямые сведенные вместе ноги, руки по швам и т.п. Границы вариаций поз и жестов расширились, но при этом советское детское тело продолжает воспроизводиться в каждом втором случае из представленных фотографий.

Отдельно обращает на себя внимание мимика детей: на фотографиях Складманн они не улыбаются, более того, демонстрируют безэмоциональность, а ведь именно наличие эмоций, самой распространенной из которых была улыбка — наиболее устойчивое клише в презентации ребенка на фотографии как минимум во второй половине двадцатого века. Проанализированная нами выборка детских фотографий советского времени дает основания говорить о том, что фотографы предпочитали сильные, выраженные эмоции: радость, удовольствие, смех и в отдельных случаях слезы очень редко перемежались демонстрацией детской задумчивости и никогда — демонстрацией безучастности, лица, ничего не выражающего. В случае изучаемого кейса нашего времени дети элиты, однако, не выглядят растерянными, неуверенными в себе (хотя можно констатировать интенцию фотографа преподнести их зрителю так, чтобы вызвать сочувствие), а, напротив, спокойны. Несмотря на то что фотографии постановочные, позы и мимика маленьких представителей будущего правящего класса не выглядят «вымученными». В большинстве случаев дети не испытывают дискомфорта от фотографирования, не теряются и не тушуются перед фотографом. Так, на фотографии «Никита и Алина» ни мальчик, ни девочка не улыбаются, но мальчик не серьезен, он демонстрирует на камеру себя как потенциального хулигана, в его взгляде есть вызов, он эпатирует потенциального зрителя.

Может показаться, что эти дети — «маленькие взрослые» — в определенном смысле являются «жертвами» образа жизни, интересов, положения своих родителей. Если мы правильно проинтерпретировали точку зрения фотографа, дети лишены детства в нашем его понимании — беззаботности, легкости, веселости, присущих идеальному течению детского времяпровождения, по крайней мере именно на такое понимание работает серия выразительных приемов автора фотографий. Однако ситуация в действительности все же несколько иная: это дети, невольно разделяющие интересы и взгляд на мир своих родителей, стремящиеся подражать им. Тот факт, что на фотографиях дети элиты предстают перед нами неулыбающимися, и более того, эмоционально безучастными, говорит о влиянии и установках их близкого окружения.

С разной степенью осознанности, специально или нет, родители учат ребенка вести себя, в том числе представлять себя окружающим: говорят, а чаще именно демонстрируют своим поведением ребенку, как распорядиться своим телом в конкретной ситуации (куда лучше встать, как наклонить голову, надо ли высовывать язык и т.п.). По мнению немецкого антрополога К. Вульфа, усвоение установок, социализация происходят в основном на бессознательном

уровне, через посредство коммуникации, осуществляемой с помощью практик тела (Вульф 2009). Важнейшие для становления человека ситуации требуют его телесного участия. При этом знание передается через мизансцены, а обучение осуществляется в процессе мимезиса, творческого подражания. Таким образом, дети современной российской элиты не улыбаются в кадр не потому, что им плохо живется или они чувствуют себя несчастными. Родители и близкое окружение научили их так презентировать себя. Какой взгляд на мир, какая концепция воспитания стоят за подобным вариантом презентации?

В основе концепций воспитания лежат, во-первых, представления о детстве как таковом (чем является этот период в жизни человека: его природа, границы) и, во-вторых, о возможностях-способностях ребенка. Есть перспектива рассмотрения детства всего лишь как этапа (подготовки) взрослой жизни, а детей — как несовершеннолетних взрослых, а есть противоположная перспектива — считать детство периодом, обладающим самостоятельной ценностью, а ребенка не приравнивать к взрослым. Соответственно, первый взгляд в его радикальном измерении предполагает стремление всеми силами вытолкнуть ребенка из периода детства (в частности, с помощью использования по отношению к детям специальной мебели, процедур, игрушек), а второй — продлить этот период. Между этими представлениями находится некоторое количество промежуточных взглядов. Так, детство может не культивироваться как особый период, но и не рассматриваться как период неполноценности. Не углубляясь в рассмотрение данной темы, сошлемся на работу К. Калверт «Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600—1900», которая убедительно демонстрирует эволюцию взглядов на детство на протяжении XVII—XIX вв. в США, восстановленную ею по предметам материальной культуры, анализу образов ребенка, созданных в конкретный период времени в литературе, живописи (Калверт 2009).

Решение вопроса о способностях ребенка определяет границы взрослого вмешательства в его жизнь и, наоборот, границы участия ребенка в жизни взрослых. Так, возможны представления о том, что ребенок в силу возраста и соответствующего морального и физического развития неполноценен, уязвим, нуждается в опеке и защите со стороны взрослых, от него не ожидают самостоятельности или же вовсе отказывают ему в возможности принятия решений. Эта точка зрения достаточно распространена, и, что интересно, она одинаково приемлема на обоих полюсах континуума упомянутых выше представлений о детстве. Она практикуется и в рамках концепции детства как периода, который надо быстрее преодолеть (предполагается, что преодоление происходит при активной помощи и вмешательстве взрослых), и в концепции, видящей в детстве лучший период жизни и призывающей к защите ребенка от чуждого грязного окружающего мира (опять же руками взрослых). Альтернативой подобному взгляду являются идеи о необходимости участия ребенка в жизни (практически) наравне с взрослыми, брать на себя долю общей работы, принимать решения и даже, будучи членом коллектива из взрослых и детей, участвовать на равных в обсуждении промахов любого из членов этого коллектива. Так, по мнению Д. Димке, яркое выражение подобных представлений характерно для концепций воспитания представителей утопических сообществ

(Димке 2012), созвучные идеи мы можем найти в концепции советского воспитания середины XX в.

В современной России распространены разные, даже взаимоисключающие представления о детстве и ребенке. Воспитательная стратегия, основанная на представлениях о желательности ограждения ребенка от окружающего мира, соседствует со стремлением приобщить ребенка к нему как можно скорее. Первая стратегия культивирования детскости как обладания качествами неискушенности, неопытности, наивности очевидна на примере широкого распространения родителями в социальных сетях так называемого «детского лепета». Высказывания малолетних детей вызывают у транслирующих положительные эмоции и восхищение, а родители демонстрируют тем самым отношение к неосведомленности ребенка как к заслуживающей одобрения и охраны (Титова 2011). Те же самые тенденции мы можем видеть в умилении, вызываемом у родителей фотографиями, на которых дети предстают измазанными после еды в шоколаде, кефире, ягодах. Такое умиление вызывает демонстрация представления о детскости как возможности безнаказанно пачкаться, не боясь осуждения со стороны людей. Детям, как считается, в отличие от взрослых допустимо измазаться в кефире, есть с аппетитом, так, как хочется, не соблюдая норм*. Мы не беремся оценить масштаб подобных представлений, предполагая тем не менее, что такая концепция воспитания встречается нередко.

Представляется, что с детьми элиты все наоборот: родители не склонны акцентировать возраст как аргумент, легитимирующий незнание, наивность, несоблюдение нормативов взрослого мира. Это дети, которые должны быть «в курсе» происходящего вокруг них, должны осознавать свою причастность и ответственность. Возможно, родителями — представителями элиты не ценится охранительная стратегия детскости в силу той роли, которую они отводят своим детям в будущем. Подтвердить или опровергнуть приверженность представителей элиты концепции воспитания, в основе которой лежат взгляды о самостоятельности, ответственности ребенка, его участии в жизни взрослых, должна рефлексия исследователя о действиях, производимых детьми в момент фотографирования: что эти дети делают, когда, фотографируясь, демонстрируют перед камерой безучастное выражение лица**?

Отвечая на вопрос об осознанных и неосознанных основаниях презентации безучастного выражения лица, воспользуемся методом объективной герменев-

* Обратим внимание, что речь ведется о распространенных представлениях о детстве, принадлежащих конкретной социальной группе. Мы отдаем себе отчет, что представления о счастливом детстве разные: кто-то покажет своего ребенка на бабушкиной даче среди корзин и ящиков с собранными фруктами, кто-то — на море, кто-то — философствующим над бабочкой, кто-то — с книгой в руках или в стенах Эрмитажа.

** Такая постановка вопроса обязана теории речевых актов Дж. Остина (Остин 1999). Согласно Остину, произнесение (некоторых) слов может быть рассмотрено как выполнение определенных действий. По аналогии, визуальные материалы, в частности фотографии, также могут быть проанализированы с позиций того, что делается посредством конкретной презентации.

тики (Titscher 2003) и задумаемся, в каких случаях такое выражение можно встретить в повседневной жизни. Представляется, что при скользящем взглядом по чему-то, что нас не интересует, что является фоном, как сменяющийся однообразный пейзаж за окном поезда, выражение лица будет как раз именно таким, о каком мы ведем речь, описывая фотографии будущей элиты — равнодушным, отстраненным. С одной лишь, но существенной разницей: эти дети позируют перед камерой, они не углублены в себя, они намеренно демонстрируют незаинтересованность и безучастность, их взгляд на потенциальных зрителей — взгляд через стену, как на пустое место, как на то, что не привлекает внимания, даже если смотришь на это в упор. С помощью такого выражения лица дети транслируют свое отношение к рассматривающим их окружающим людям: эти люди не объект их интереса, беспокойства или иных чувств. «Маленькие взрослые» не намерены ни с кем вступить в коммуникацию, они не ищут ничего расположения или одобрения, не ждут сочувствия, они определяют границы своей группы, а точнее, демонстрируют свою закрытость, дистанцируются от окружающих.

Стремление к дистанцированию — характеристика уровня открытости-закрытости и этапа институционализации элитных групп (Манхейм 2010: 220–234). На основании анализа фотографий можно выдвигать требующее дополнительной проверки предположение о существовании в современной России сложившейся элиты, завершившей процесс своей институционализации, поскольку элита сумела передать определенные установки на обособление и дистанцирование своим детям. Интересно, что согласуется с этим выводом и анализ одежды и атрибутов, используемых детьми для самопрезентации во время съемки. В серии интервью по поводу снимков Складманн отмечала, что дети в большинстве случаев были вольны выбирать место съемки, реквизит и одежду. После просмотра фотографий остается ощущение, что дети живут не здесь-и-сейчас, а в нереальном мире: мальчик, одевший для съемки форму гусара, девочка, подражающая в одежде Катрин Денев, детский фрак и платья в стиле балльных нарядов прошлых веков, галстуки-бабочки и вуали, меховые горжетки — все то, чего практически не встретишь в наше время. Интересен реквизит съемки: дети предстают в собственном гараже на фоне коллекции раритетных авто, с настоящим автоматом Калашникова в руках, на сцене папиного театра, в итальянском посольстве. Представляется, что смысл подобных вариантов одежды и атрибутов, антуража тот же самый: подчеркивание собственной элитарности, дистанцирование от окружающих с помощью вещей, которые уж точно выделяют их из толпы.

Подводя некоторый итог, необходимо сказать, что представленная попытка анализа лишь фрагмент возможной интерпретации этой серии фотографий. Актуальным сегодня было бы проявить очевидные современникам (но, скорее всего, неотрефлексированные) социокультурные значения телесности на основе сделанных в современной России фотографий детей, для того чтобы определить степень разрыва (преемственности) с тем или иным периодом советского прошлого. Это дало бы возможность обозначить спектр имеющихся и «работающих» сегодня практик формирования телесности, связанных с функционированием социального порядка в целом. В ходе визуального анализа, выходя-

щего за рамки настоящей публикации, можно поставить и найти ответ на ряд вопросов: существуют ли у представителей современной элиты разноплановые ценностно-нормативные установки в отношении детского воспитания или можно вести речь о наличии одной доминирующей модели, каково содержание имеющихся моделей.

Литература

Барт Р. Camera Lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. Шматко. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 101–104.

Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж. Общедоступное искусство. Опыт о социальном использовании фотографии / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Практик-сис, 2014.

Бурдые П., Пассрон Ж. Воспроизводство. Элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. Шматко. М.: Просвещение, 2007.

Волков В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.

Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Гавришина О. Ирония подобия: «Русские автопортреты» Дэвида Атти // Гавришина О. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М.: НЛО, 2011. С. 56–69.

Дементьева Е. «Сидит маленький Яков с “калашниковым” и целится в балерин»: фотограф Анна Складманн о «Маленьких взрослых» // Город. Афиша. 28.03.2012. URL: <http://gorod.afisha.ru/archive/fotograf-anna-skladmann/> (дата обращения: 30.07.2015).

Димке Д. Жизнь по законам искусства: практики воплощения утопии (на примере Коммуны юных фрунзенцев) // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 111–139.

Калверт К. Выпрямленный ребенок: одежды для пленения и стульчики для ходьбы // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. № 2 (8). С. 61–91.

Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства. 1600–1900. М.: НЛО, 2009.

Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: РАО «Говорящая книга», 2010.

Моска Г. Правящий класс (главы из книги) // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.

Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 57–104.

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

Симонова О.А. Актуальные тенденции в современной социологии: открытие эмоциональности // Современная социология — современной России: Сб. статей VI междунар. науч.-практ. конф. памяти А.О. Крыштановского / науч. ред. А.Б. Гофман. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 411–423.

Титова М.А. Цитация детских высказываний как метакоммуникативный сигнал дружелюбия во взрослом сообществе // Под знаком МЕТА: Мат-лы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры», Институт языкознания РАН, 14–16 марта 2011 г. М.; Калуга: Эйдос, 2011. С. 173–183.

Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: РОС-СПЭН, 2004.

Bidder B. Children of Russian Oligarchs: Football in the Crystal Palace, *Spiegel online*, 8.06.2011. URL: <http://www.spiegel.de/international/zeitgeist/children-of-russian-oligarchs-football-in-the-crystal-palace-a-767205.html> (дата обращения: 30.07.2015).

Hartmann M., Kopp J. Elitenselektion durch Bildung oder durch Herkunft? Promotion, soziale Herkunft und der Zugang zu Führungspositionen in der deutschen Wirtschaft, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 2001, 53(3), S. 436–466.

Schnapp K. Soziale Zusammensetzung von Elite und Bevölkerung — Verteilung von Aufstiegschancen in die Elite im Zeitvergleich, in: Bürklin W., Rebenstorf H. u.a. *Eliten in Deutschland. Rekrutierung und Integration*. Opladen: Leske und Budrich, 1997, S. 69–100.

Titscher S. Objective Hermeneutics, in: *Methods of text and discourse analysis*. L.: Sage, 2003, pp. 198–212.

Turner J.H., Stets J. *The sociology of emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.